

Философские и культурологические исследования

УДК 130.11

А.И. Киселёв

ДУХОВНОСТЬ – СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

КИСЕЛЁВ Анатолий Иванович – профессор кафедры философии Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; доктор философских наук.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
e-mail: kaphphil_2005@list.ru

Аннотация

В статье раскрываются системообразующая роль духовности в структуре природы человека и ее основные проявления. В научный оборот вводится ряд новых понятий, позволяющих углубить и конкретизировать понимание индивидуальности. Показаны реальные угрозы антропной идентичности.

Ключевые слова

ЧЕЛОВЕК; ЛИЧНОСТЬ; ДУХОВНОСТЬ; СМЫСЛ ЖИЗНИ; ТВОРЧЕСТВО; ЛЮБОВЬ.

Современный антропологический кризис выражается не только в том, что лавинообразно ускоряются процесс денатурализации человека как биологического существа, процессы десоциализации, сверхсоциализации и деиндивидуализации его как личности, т. е. как продукта социальной среды, но и в бездуховности, которая и является главной причиной крупных негативных событий во всех сферах индивидуальной и общественной жизни людей. Однако в научно-философской литературе до сих пор преобладает трактовка человека как биосоциального феномена, в то время как его душевно-духовная основа остается в тени. Личности, например, важны отношения, определяющие ее статус и место в социальном пространстве возможностей, в системе господства и подчинения. Ведущая цель – быть востребованной, а для этого необходимо отвечать критериям полезности.

Но всё ли определяемо ими? Все ли потенции человека реализуются и непосредственно обусловлены социумом? Исчерпывается ли

полнота бытия им? Нет. Уже по мере смены формаций утрачиваются жесткость и однозначность связи внешнего и внутреннего, случайного и социально запрограммированного. Появляется понимание непожизненного и, увы, преходящего характера положения, собственности, сферы занятости, с одной стороны, и устойчивости внутреннего ядра как субъективной самоидентичности при любых превращениях судьбы, подлинной первоосновы человека, намерения, планы и мечтания которого не всегда осуществляются, – с другой. Выведение субъективного мира человека исключительно из сложившихся условий жизни общества вряд ли состоятельно, так как при этом возникают непреодолимые трудности в объяснении следующих явлений:

1) существенная и динамичная трансформация общественного бытия не сопровождается аналогичным процессом эволюции сознания;

2) калейдоскоп разнообразных и противоречивых событий, в который погружена лич-

ность, не разносит в клочья человеческое «Я», оно остается самождественным себе вопреки потоку бурных перемен, концентрируясь в некую относительно надвременную субстанцию;

3) общие и одинаковые идеологические схемы и санкционированные обществом образцы поведения автоматически не лишают человека самобытности и критического отношения к происходящему;

4) мировосприятие реальности (настоящего) всегда соотносено с его оценками с позиций далекого прошлого и ожидаемого будущего, что предполагает избирательность памяти и проективности субъекта.

То, что происходит со мной, обусловлено во многом моим внутренним началом и зависит только от меня. Значит, личность — это только часть человеческого бытия, которое содержит в себе еще и парадоксальную возможность «взгляда со стороны», способность дистанцироваться как от собственного тела, так и от собственной личности, т. е. некоторую избыточность, коренящуюся в духовности.

Цель данной статьи — обосновать статус духовности не только как одной из сторон природы человека, но как его глубинной сущности, наиболее полно, ярко и зримо проявляющейся в поиске смысла жизни, творчестве и любви. Попробуем исследовать данный сложный феномен в максимально общем понятийном виде, абстрагируясь от всяких национальных особенностей, специфики базовых ценностей и предпочтений людей, а также причин падения или возрождения их духовно-нравственных потенциалов. Это темы отдельных теоретических разработок.

В контексте нашего исследования дух — часть сверхиндивидуальной реальности, принимаемой за несомненное Благо, раскрытие которого в своем «Я» и есть реализация сущности человека. Индивид, стало быть, лишь человекоподобен (не состоялся) в той мере, в какой не пробудил, не сберег, не развил и не воплотил в деятельности свою душевно-духовную экзистенциальность. Дух — упорядоченная разумом, окрыленная верой, укрепленная волей, согретая любовью, высветленная надеждой, нравственно обогащенная устремленность души к идеалу, издавна обозначаемому в истории философии как гармония истины, добра и красоты, идеалу, который, будучи вос-

принятым субъективно, тем не менее, всё ошутимее и отчетливее выкристаллизовывается в форму зова бытия. Духовность как стяжание высших смыслов и ценностей, конечно, противостоит рутинной инерции повседневности и обыденности, но лишь для того, чтобы внести светлые созидательные и преобразующие начала во все сегменты устоявшейся действительности. Но если сам дух осознается как нечто ниспосланное (а не выработанное внутренним опытом) и не произрастает органично из душевной основы, он может быть распят чрезмерной рациональностью и выродиться в фанатизм. Поэтому будет явной недоовоплощенностью и самоутверждение человека вне духа или души, и самоутверждение в ущерб личности, телесности и природе. Только целостность человека — оптимальный путь к его совершенствованию, что отнюдь не исключает, а предполагает иерархическую соподчиненность. Главное — «не принять свинью в себе за Бога» (Л.Н. Толстой).

Не будучи отражением, инстинктом, продуктом интеллекта, *духовное* (как особое и высшее состояние души) — это то, что:

- в чувствах, сознании и поведении воссоздает утраченное единство людей, преодолевая этнические, национальные, конфессиональные, социальные и иные различия между людьми;
- возвышает достоинство индивида;
- реализует внутренние спонтанные порывы ставить себя на место другого и следовать нравственному категорическому императиву, чутко прислушиваясь к голосу собственной совести;
- вносит смысл и ценности, ради которых стоит жить и умереть;
- способствует принятию своих несовершенств и их преодолению через самотворчество как движение к подлинности;
- стимулирует рост бескорыстного благорасположения к людям и миру;
- придает человеку стойкость и твердость в жизненных испытаниях;
- окрыляет и увеличивает полноту жизни;
- предполагает волю как решимость следовать однажды избранному пути и гарантирует сохранение человеческого в человеке в любых пограничных ситуациях;
- детерминирует собой настоящее, так как формирует стратегическую установку, целостный образ должного;

- открывается человеку как транссубъективная реальность, требование, первозамысел, задание, призвание, миссия;

- являет себя как искание абсолютного в относительном, безусловного в условном, бесконечного в конечном, устойчивого в текуче-изменчивом, всеединого в отдельном. Отрицание же такой исходной фундаментальной системы отсчета превращает общественную и интимно-экзистенциальную жизнь в бессвязный конгломерат хаотичных явлений, где всё случайно, зыбко, непредсказуемо, допустимо и морально нейтрально, ибо исчезают грани между добром и злом, нормой и патологией, истинной и ложью, прогрессом и регрессом.

Если природа человека есть становящееся и органическое (в пределе) единство биологического, социального и духовного начал, то какова его сущность? Социал-дарвинизм, ницшеанство, фрейдизм и социобиология усматривают ее в биологическом базисе, марксизм — в совокупности общественных отношений, персонализм — в духовности.

Да, сущностью человека выступает духовное, ибо только посредством него реализуется *свобода выбора, самоосуществление, свой путь и своя ответственность*, ориентация не на внешнее «надо», а на внутреннее личное решение. Природное и социальное — исходные предпосылки, от которых нельзя уйти. Но они только средство и материал для возведения «архитектурного ансамбля» человеческой жизни, контуры которого таятся в духовных недрах человека-творца. Индивид как самоосновное духовное существо деятелен и независим от наличных обстоятельств (не абсолютно, конечно), так как способен видоизменять и тело, и личность сообразно собственным представлениям, замыслам и мировоззренческим установкам. Расстояние между сокровенной жизнью и выполняемой социальной ролью или обязанностью, устанавливаемое духом, позволяет человеку оставаться собой, в чем-то принимая «правила игры», в чем-то отвергая их, т. е. самоидентифицироваться, свободно самоопределяться не извне (как объект), а изнутри (как субъект). Индивид всегда живет «здесь и сейчас» как социально-биологическая единица, но духовно он всегда потенциально неограничен. Духовное можно истолковывать не только как нечто трансцендентное или дарованное, но и

как плотно спрессованную в индивидуальной душе человека культуру и предшествующих поколений, и своих современников, т. е. как плод совместных и индивидуальных усилий, впитывающий в себя нравственные подвиги лучших представителей человечества.

Духовная работа — нацеленность «Я» не только в глубь себя, но и вовне — подготовка к совершению Поступка. Значимыми ее результатами становятся индивидуальность, уникальность, неповторимость индивида, образующиеся из особенностей развития и функционирования организма и личности при определяющем значении духовности — самоотворяющей деятельности. Если две первые составляющие как бы наследуются, то третью формируют саморефлексирующие, ищущие достойного выбора из множества альтернативных вариантов субъекты. Добровольное служение общечеловеческим ценностям и идеалам в свое время, в условиях своего исторического периода — это и есть духовное дело и попытка усовершенствовать действительность, упорядочить быстротечность событий, встать над ними и выстоять вопреки им, что возможно при условии, что сам дух обладает свободой. Однако диалектика внутренней и внешней свободы не проста: если духовно несвободному человеку предоставить внешнюю свободу, он воспримет ее как бремя или вседозволенность; с другой стороны, индивидуальность утрачивается под влиянием тоталитарных режимов, подавляющих репрессивными методами всякое инакомыслие и инакодействие. Антиподом индивидуальности является толпа, мещанство как усредненная посредственность. Индивидуальность имеет два уровня: данность и обретение. Как *данность*, и в этом нет особой заслуги (вины) человека, индивид уникален в качестве социально-биологического существа. *Обретение* же осуществляется посредством собственных, порой титанических напряжений и эволюций, поражений и подвигов духа. Следовательно, каждый индивид — индивидуальность, но не каждый индивидуален в подлинной, духовной ипостаси.

Духовный рост и развитие человека концентрируются и максимально выражаются в поиске смысла жизни, творчестве и любви. Сама проблема предназначения человека — единственная, которая до последних глубин и основ затрагивает ум и сердце человека, всё существо

без остатка. И чем раньше о ней задумываются, тем адекватнее возможный ответ. Уже одно рассуждение о смысле жизни свидетельствует о большой внутренней работе индивида и является фактором его духовного становления. Этим стимулируются открытие своего настоящего «Я», самосозерцательная сосредоточенность, серьезность, формирование чувства самодостаточности и образование идеалов, непреложно значимых для человека. Посредством данного вопроса определяется отношение к существующему, соотнесение его с системой базовых ценностей и предпочтений. Каждому человеку важно обрести смысл и тем самым обосновать свое значение в бытии не в призрачно-отдаленной, а именно в настоящей, сегодняшней жизни. Для чего? Чтобы осуществить его, внося свой неповторимый вклад, оставляя свой след, впечатывая себя в контекст исторической реальности.

Но уместен ли сам вопрос? Ведь бытие наполнено несправедливостью, несбывшимися надеждами и ожиданиями, разочарованиями, нелепыми случайностями и превратностями судьбы, преобладанием страданий и жестокой игрой природно-социальных процессов, которым необходимо подчиняться. Космос, биосфера, социум внутренне противоречивы в своих тенденциях. И всё же жизнь не бессмысленна, так как:

- допущение нашим разумом абсурдности эмпирической реальности предполагает наличие именно смысла как эталонной меры, с которой ее и сравнивают. Да и как тогда из всеобщей бессмыслицы мог возникнуть сам этот вопрос?

- человеческую жизнь нельзя рассматривать в отрыве от космической и земной эволюции, высшей и закономерной фазой которой она и является. Обесмысленность жизни тогда опрокидывает и превращает в ничто всё предыдущее поступательное развитие неорганической и органической природы, общества в его культурно-цивилизационном разнообразии;

- человек не только интеллектом осознает неустроенность бытия, но и душой своей переживает неудовлетворенность жизнью. Значит, мы не полностью захвачены этой реальностью, но, ощущая ее пределы, стараемся перестроить мир под себя, влекомые чем-то более высоким и привлекательным. Само же чувство беспри-

чинной тревоги и тоски — показатель не только диссонанса и дистанции, но и сопричастности с *должным*;

- стремление к иному качеству и уровню бытия при отсутствии совершенства в эмпирической данности приводит к утверждению, что искомое уже есть. Где? Вне человека? Нет, в глубинах человеческой души. В самом деле, индивид оценивает, изучает, изменяет, обустроивает действительность, относясь к миру строго определенным образом, и это отношение во многом обусловлено не только социальными или телесными потребностями, а самим сознанием, имеющим, стало быть, постепенно разворачивающиеся фундаментальные установки (простые, самоочевидные, непреложные требования, достоверно усматриваемые внутренним оком как преданные ценности, от которых не удастся отступить и которые определяют позицию и стратегию самой жизни), сориентированные на безусловное благо.

Как же решался вопрос о предназначении и смысле жизни в истории философии? Древнегреческая этическая концепция *гедонизма* основным движущим мотивом поведения объявляла чувственные наслаждения. *Эвдемонизм* же ведущую ценность жизни усматривал не в достижении скоротечных утех и удовольствий, а в состоянии внутренней гармонии и покоя (атараксии), что предполагало уже умение силой воли обуздывать и преодолевать темные страсти. Для *стоицизма* только высоконравственная и добродетельная жизнь, т. е. осуществляемая сообразно логосу (мировому разуму), достойна человека. Индивиду жизнь дается, а какой она будет, зависит от него самого. Необходимо стойко и мужественно переносить удары судьбы и не терять бесстрастия (апатии), творя добро максимально большему числу людей. *Кинизм* человеческий удел сводил к реализации минимума простейших естественных потребностей и желаний, что обеспечивало бы предельно возможную независимость от природной и социальной среды, столь нужную для получения истинного знания. А *утилитаризм* за критерий осмысленности жизни принимал расчет, выгоду и полезность (по мнению И. Бентама, например, никто для другого не пошевелит и пальцем, если не увидит в том своего интереса).

Но как сочетать общий и частный интерес? Можно ли принудить кого-либо поступиться личным ради общественного? Возможно ли в

принципе бескорыстие? Без любви к себе нет ни одного человека, но *себялюбие* как субъективная форма переживания собственной жизни весьма многолико и дифференцируется на несколько основных типов. Так, *эгоистическое* себялюбие означает принятие себя в качестве единственной и высшей во всех отношениях ценности, заботу о собственном благополучии, совсем не связанную с интересами других людей, которые используются как подручное средство для достижения личных целей. *Эгоцентрическое* – любование собой, но не любым и не всегда, а находящимся на виду и в фокусе общественного внимания. Такому человеку присуще желание быть на переднем плане, быть замеченным любой ценой (одеждой, манерой поведения, маркой автомашины и т. п.). *Альтруистическое* (встречаемое значительно реже) – также своеобразная форма самоуважения, иногда доходящее до уничтожения собственной свободы, до беззаветного отдания себя другому. Такое слияние чревато растворением личности в ином, вплоть до утраты индивидуальности. *Со-бытийное* себялюбие есть добровольное вовлечение личности в многообразные соотношения с миром людей, природных стихий, культурных артефактов. Со-бытийность основывается на глубинном резонировании, чувствовании и узнавании родственных уз. Посредством такого диалога и общения возникает искренняя солидарность, происходит спонтанное «соприкосновение душ, не преследующих никаких выгод» (М. Монтень).

Из предыдущего изложения вполне ясно, что за субъективно-общим стремлением к минимизации страданий и максимально возможному удовольствию объективно скрывается совершенно разная «начинка». В этом ли состоит смысл жизни, надо ли искать его в том, что имеет начало и конец, т. е. в самой жизни? А если вне ее, то она превращается в нечто производное, не так ли? Всё дело, однако, в том, что наряду с объективной и субъективной реальностями есть и трансцендентная – всеобъемлющее единство «Я» и «не-Я», присутствующее изначально в недрах человеческой души, пребывающее и неотторгаемое от нее, а также и вне нас находящееся как надындивидуальная духовная субстанция, «золотое светоносное сечение», пронизывающее собой всю ткань человеческого бытия. Оно-то и есть единственно незыблемое,

воспринимаемое в форме неслиянного единства добра, истины, красоты и свободы. Это не что иное, как религиозное отношение к миру, которое отнюдь не равнозначно догматически-институциональному признанию Бога-творца через веру, откровение, авторитет или церковь как социальное учреждение. Оно допускает и другой – нетрадиционный – вариант глубинной взаимосвязи с непредикативной реальностью, являющейся как нечто святое и таинственное. Само трансцендентное может быть обозначено весьма различными терминами (Космос, Бог, Мировая душа, София, Бесконечность, Гармония и т. д.), а суть одна: оно обладает статусом безусловного.

Но трансцендентное не фатально предопределяет путь человека, оно лишь сверхцель, указывающая на предпочтительную возможность выхода за свои наличные пределы, чтобы сделаться собой – настоящим – через отклик на главное в каждом – дух. Движение к нему, служение ему – вот подлинный смысл человеческой жизни. Иными словами, если этот мир развился, поднялся до человека, то он, осознав данное, обязан продвинуть эволюцию вперед, не уклоняясь от познания, управления, переустройства и, может быть, спасения биосферы и социума. Таково призвание человека. И если он в условиях НТП окажется духовно пустым, то материальным эквивалентом этого явится новое варварство, которого еще не было в истории человечества. «Стань тем, кто ты есть» – этот призыв означает направленность к ко-эволюционному преобразению всего, с чем связан человек по происхождению и смыслу своего бытия. Благоговение перед жизнью, ее сохранение, укрепление и совершенствование требуют больших трудов и сопровождаются целой гаммой чувств. Счастье тогда есть способ оптимального самораскрытия сущностных сил индивида. Из всех видов себялюбия только со-бытийное наиболее полно выражает обращенность к высшему началу, что переживается как радость, восторг и вдохновение. *Счастье* – быть детерминированным не чем-то (кем-то) внешним, а собой, но не собственной иррациональностью, а собственной экзистенцией. И тогда приобретаются максимальная свобода, твердая опора и способность преодолевать все препоны и невзгоды сообразно ответственности и умению самоограничивать свою волящую природу.

Так как сущность человека в его духовности, то всякое самоутверждение, не затрагивающее тончайшие пласты его существования, т. е. экзистенцию, не может быть признано полным и достойным индивида, так как это будет усеченное, фрагментарное, частичное воплощение неглавного в нем. Существование минус сущность (удовлетворение разных потребностей человека только как биосоциального существа) – псевдосчастье, ему не достает окрыленности и основательности. Существование плюс сущность составляют полнокровное счастье, ибо, служа великому делу, умножая благо, человек не опустошается, а наполняется; не теряет, а находит; не неволится, а освобождается; не изолируется, а становится сопричастным всему; не нисходит, а возвышается; не на чужбине мыкается, а не суетно благоденствует в своем отечестве. Счастье, следовательно, есть процесс и состояние предельно возможной полноты реализации телесных и личностных потребностей и запросов человека, ищущего, нашедшего или уже воплощающего смысл собственной жизни.

Коренные изменения в общественно-экономической и культурной жизни, перестройка всего комплекса международных и внутренних отношений, утверждение нового политического мышления и появление глобальных угроз планетарному социуму – всё это формирует острую потребность в осознании чрезвычайно динамичных и противоречивых тенденций современности, что вряд ли возможно без нестандартного – творческого – видения вскрывшихся проблем. Что же такое творчество? *Творчество* есть внесение гармонии в хаотическое разнообразие стихийных сил и факторов; негэнтропийный процесс, так как увеличивает степень организованности и сложности явлений; борьба и преодоление смерти, ибо продолжается существование культурно-духовных и материально-информационных артефактов в смене поколений; форма проявления сущности человека; адекватное выражение собственной свободы и самобытности; мост, переброшенный из скрытых недр «Я» к другим людям (и современникам и потомкам); способ самоутверждения посредством изменения действительности; создание чего-то качественно нового, имеющего индивидуально-социальную значимость и ценность, хотя масштаб и уровень новаций может быть совершенно разным.

Человек, будучи по природе своей открыт, «распахнут» всему миру, соотносится не с узким спектром реальности, а с универсумом. Значит, поле его творчества потенциально неограниченно. Однако творчество приобретает опасное направление, когда выходит за рамки нравственных предписаний, порождая деформации и деструкции бытия человека. Сама по себе свобода творчества, не соотношенная с принципом гуманизма, вне ответственности за последствия воплощения дерзновенных проектов познающего разума, притязающего на роль единственного арбитра в делах жизни, становится зоной повышенного риска по мере возрастания научно-технического потенциала общества.

Творчество творчеству рознь. Художественное, техническое, научное – его основные формы. Для художественного восприятия (исторически и онтогенетически первичного) характерны: интимность, образность, живость, конкретность, индивидуализация; для научно-технического – рассудочность, дискурсивность, доказательность, абстрактность, понятийность. Если искусство ориентировано на гармонизацию связи человека с самим собой, «ближними» и «дальними», на спасение души, обретение радости, уверенности и смысла, то научно-техническое творчество направлено на поиск и освоение объективной информации (познание) для дальнейшего использования ее в процессе практического переустройства природных систем в интересах общества. Одно дополняет другое. Способность к творчеству можно утратить или усовершенствовать, но не приобрести, так как она запрограммирована в геноме человека. Это не значит, что спонтанная одаренность при любых условиях неизбежно пробьет себе дорогу. Требуется еще кропотливая работа и обучение, чтобы сделаться мастером и виртуозом своего дела. Но при отсутствии таковой не удастся, например, научить сочинять стихи, даже при самом искреннем желании обучаемого и педагога. Сам талант не всегда пробуждается в раннем возрасте. Так, многих знаменитостей в школьные годы считали совершенно безнадежными. В их числе Уатт, Свифт, Гаусс, Ньютон, Гельмгольц, Скотт, Линней. И только значительно позже произошел «взрыв» творческой активности. Но если бы не их воля, сосредоточенность, упорство и вера в себя, то не «проклюнулся» бы и дремлющий до поры дар.

Способности человека, конечно, имеют разные уровни развития – от посредственных до гениальных. Гений не вступает в «преступную связь с вещами», не подвластен им, не одержим честолюбием и меркантильными соображениями. Ему присущи высочайшая требовательность и строгость к себе, свобода, всегда соотносимая с ответственностью, и страдание, обусловленное страстным желанием успеть воплотить вечное во временном.

Творческим людям знакомо такое состояние, как вдохновение, когда внутренним светом вдруг озаряется суть исследуемой проблемы и находится ее решение, происходит отрешение от всего суетного и внешнего, как бы исчезает время, работает легко и раскованно, всё получается само собой. Нарастающая радость переходит в экстаз, имеют место необычные ощущения и видения. Такие психические эффекты неоднократно испытывало большинство выдающихся ученых и деятелей культуры. Но вдохновение – весьма краткий миг, подготовленный всей предшествующей умственной деятельностью. Цена ему чрезвычайно велика. Труд ученых, согласно мнению экспертов, на 99 % – непрерывная изнурительная деятельность, которая лишь на 1 % успешна. Подобное напряжение, сопровождаемое бессонницей, сомнениями, разочарованиями, тревогами, резкими перепадами психофизиологических нагрузок и настроений, выдерживает не каждый. Творчество нуждается в оптимальных социальных и ментальных условиях. Если фон отрицательных факторов (бытовая неустроенность, материальная необеспеченность, навязчиво-агрессивная среда, невостробованность и т. п.) чрезмерно расширяется и уплотняется, то реакция может быть двойной: или перевозбуждение ставит человека на грань психических срывов, или он впадает в состояние безразличия и эмоциональной тупости. Во всяком случае, рост неприкаянности особенно снижает именно творческий потенциал личности. Иногда необратимо! Поэтому защита целостности человека – защита творчества.

Первичность социальной детерминации творческих процессов по содержанию и направленности, однако, предполагает необходимость учета влияния на них и природных факторов. Анализ художественного и научно-технического творчества показывает, что общение с природой:

- развивает воображение, фантазию, интуицию и чувство прекрасного, побуждает к интеллектуальной работе и стимулирует самосозерцание;

- ускоряет созревание и актуализацию внутреннего содержания предшествующего духовного труда личности. Без этой непосредственной сопричастности с природой такой процесс мог бы и не реализоваться;

- формирует основу человеческой чувственности, которая вплетена во все виды деятельности (производство, познание, выработка эстетических и этических ценностей и т. д.). Сужение и обеднение этой взаимосвязи значительно деформирует и опустошает культуру чувств, что снижает уровень жизненного тонуса и его продуктивность во всевозможных формах индивидуального и социального бытия человека. Искусственный окружающий мир, вытесняя естественный, не может компенсировать данную утрату, если не создается по законам красоты и гармонии и не вписан целостно и органично в структуру земной биосферы;

- укрепляет творческие возможности человека, так как приводит организм в состояние оптимального функционирования при отражении им природных ритмов, лежащих в фундаменте физико-химической упорядоченности физиологических и психоэмоциональных систем, которые, в свою очередь, образуют биологические основы творчества. Рассогласование естественных ритмов под воздействием антропогенных причин ведет к сбоям нервно-психических процессов, изменениям биоритмов самым неожиданным образом и чаще всего ухудшает тонус, жизнестойкость и творческую отдачу личности.

Для современного периода, увы, характерны разрушение привычной среды обитания и ее тотальное загрязнение, сокращение диапазона контакта с первозданной природой, отчуждение и потребительское к ней отношение, исчезновение красоты. Всестороннее же и существенное оздоровление экологической обстановки – это не только условие выживания человечества, но также дополнительный, мощный и незаменимый ничем резерв творческой активности.

И творчество, и попытки найти смысл собственной жизни предполагают существование любви как сокровенного и верного пути к другому. Любить и быть любимым (любимой) –

разве не об этом мечтает каждый человек? Разве гениальные творения не были вызваны этим поистине неистребимым желанием? Разве не это чувство воспламеняло воина, зодчего, поэта? Но Эрос многолик. Исходя из платоновского понимания, целесообразно выделить несколько его уровней:

1) плотское, чувственно-телесное вождение, направленное на физическое обладание и стремящееся продлить линию биологического развития посредством акта размножения;

2) творчество вообще как преображение, окультуривание среды;

3) умудренная созерцательность, опирающаяся на лучшие достижения культуры;

4) экстаз, транс, переживание встречи с Абсолютным.

Уже всякая влюбленность выходит за пределы обычной сексуальности и воспринимает ее как профанацию истинного чувства, которое намного шире объекта и распространяется на весь мир. Следует не подавлять силы пола, что сопряжено с невротами, психозами и другими болезненными явлениями, не высвободить сексуальную энергию произвольно (это животность), а трансформировать их. Фрейдизм изучал лишь феномены обыденной жизни, но может быть открыта и высшая — сакральная реальность, если научиться управлять своей сексуальной энергией. В тантризме, например, соитие рассматривается как связь на тонком плане бытия, а на физическом мужчине настоятельно рекомендуется в точке кульминации воздерживаться от семяизвержения ради сохранения и приумножения жизненных сил, так как излитое семя приближает упадок и смерть. Соединяясь не только телесно, но и духовно, партнеры словно растворяются друг в друге и, осуществляя совместный прорыв к сверхчувственному, обретают нефизическое «созвучие», которое недоступно в лоне плотской сексуальности.

Человек потому и человек, что никогда не удовлетворялся «моралью скотного двора», хотя в современных социально-информационных условиях спектр допустимого значительно расширился. Но естественное становится противоестественным, когда претендует занять неподобающее (чужое) место, т. е. если биологическое (как низшее) «ниспровергает» социальное, а оно — духовное (как высшее и

системообразующее), то нарушается иерархия и гармония человеческого существования. Секс — обычное биологическое явление, детерминированное врожденными инстинктами. В порнографии всё внимание сосредоточено на половом акте как таковом и во всех возможных ракурсах и перспективах оцениваются и демонстрируются гениталии. В обществе потребления порнотопия — воплощение ненасытного вождения, где женщина — первая жертва. Здесь преобладают садомазохистские «сюжеты» и анонимность партнеров (до и после совокупления они, будучи изначально отчужденными, не интересуются друг другом, никогда не обнимаются, и их связь только контакт гениталий). Порнография являет собой негативную, темную сторону Эроса. Она лишает человека тайны, ощущения уникальности, редуцирует чувства к физиологическим процессам, всячески смакуя патологии и извращения разного рода. А пресловутая «сексуальная революция» ускорила ослабление самой страсти и остроты переживаний, а также либидозного напряжения, что значительно сократило разнообразие видов сублимации и ее проявлений в творчестве. В условиях гедонизации, плюрализации, либерализации, патологизация сексуального поведения люди стали более одинокими и опустошенными. Что касается эротики, то она, будучи порождением уже социокультурного и цивилизационного развития, является своеобразной огранкой сексуального «самородка» и включает в себя ритуал, игру, экспериментирование, учет неких социально значимых правил, которым надо следовать, чтобы быть признанным на уровне современных стандартов.

Уместно напомнить: эволюция земной жизни шла таким образом, что размножение без всякой половой любви постепенно сменялось половой любовью без обязательного деторождения. И юношеская игра сексуальных сил — поверхностная метаморфоза подспудного безличного «Оно». Поэтому телесная связь — это только псевдоразрешение противоречия между человеком как свободной индивидуальностью и его биологической природой. Только любовь в состоянии преодолеть данный разрыв. Любовь — не любая связь, а связь двух индивидов как желанных и единственных во всем, она самый поздний «ребенок» истории. Смысл любви

вовсе не в отрицании плоти, а в ее преображении и возвышении. *Любовь* — это:

- преодоление эгоизма и признание другого человека как безусловной ценности;
- восполнение собственной односторонности и изолированности;
- открытие родственного начала вне себя;
- волнующий диалог равных, но разных;
- образование из двух ранее разделенных индивидуальностей единой и единственной «монады-вселенной»;
- способ выражения самого чистого, светлого, благородного, что есть у человека;
- путь к себе через сердце другого, испытание себя другим на состоятельность;
- подлинная свобода (заставить любить невозможно);
- выход за рамки профанного бытия и встреча с сакральным;
- нравственный подвиг противостояния материально-преходящему и способность отдать жизнь ради другого.

А теперь спросим себя: можно ли заниматься любовью (как всем остальным)? Да чем угодно, но не ею! Любовь слишком глубока и серьезна. Не любивший всего лишь человекообразен, так как не сумел реализовать свой

духовный потенциал. Любовь, конечно, имеет много оттенков и форм: любовь к Богу, родителям, жене (мужу), друзьям, отечеству, своей профессии, природе. Ее эманациями являются страсть, нежность, сострадание, милосердие, жалость. Любовь как сердечная привязанность, будучи обращенной к другому, всегда содержит в себе благодарность за саму возможность такой встречи. Кому? Чему? Жизни? Судьбе? Случаю или предустановленной гармонии? Ответы разные, но общее в том, что межличностные любовные отношения переносятся на все иные способы связи человека с миром, который становится объектом сублимации и заботы, без чего само существование человека является всё более неполноценным.

Всё ранее высказанное предопределяет главный вывод: ослабевший, поработанный, сломленный, угасший, соблазненный или помраченный дух — путь к расчеловечиванию человека и его распаду на индивидуальном уровне, а в масштабах нации, надо полагать, погружает народ в состояние тотально необратимой утраты культурно-цивилизационной самобытности и превращает его из субъекта исторической деятельности в пассивный объект ассимиляции и поглощения. Но верно и прямо противоположное!

A.I. Kiselyov

SPIRITUALITY AS FUNDAMENTAL HUMAN NATURE

KISELYOV Anatoliy I. — *St. Petersburg State Polytechnical University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: kaphphil_2005@list.ru

Abstract

In this article the backbone role of spirituality in the structure of the human nature and its main manifestations are revealed. A number of new concepts contributing to deeper and more concrete understanding of individuality are brought into scientific use, the real threats to anthropoidity being also shown.

Keywords

MAN; PERSON; SPIRITUALITY; MEANING OF LIFE; CREATIVITY; LOVE.
